

Кошелев Александр Иванович

Наше положение

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович К.**
Наше положение / Кошелев Александр Иванович – М.: Книга по Требованию,
2026. – 195 с.

ISBN 978-5-519-90834-4

ISBN 978-5-519-90834-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Наше положеніе вообще.

Нынѣшнее наше положеніе тяжело, весьма тяжело — въ этомъ согласны чуть не всѣ; несогласны съ этимъ развѣ только тѣ, которые пользуются бѣдственностью настоящаго положенія и извлекаютъ изъ него личныя выгоды. Но иные и весьма многіе находятъ его даже болѣе тяжкимъ чѣмъ то положеніе, въ которомъ Россія находилась въ теченіи предъидущаго тридцатилѣтняго царствованія. И не хотѣлось бы съ этимъ согласиться, и внѣшняя обстановка вещей противурѣчитъ такому утвержденію; но отвергать гибельное дѣйствіе нынѣшняго положенія дѣлать на умы, духъ и жизнь народа — невозможно; ибо, на нашихъ глазахъ, совершаются, во внутренней и внѣшней нашей жизни, такія разительныя событія, и проявляются такой упадокъ и такое разложеніе нравственныхъ народныхъ силъ, что невольно погружаешься въ думу и душа наполняется грустью глубокою. Однако неужель, въ послѣдніе девятнадцать лѣтъ, мы не двинулись впередъ? Неужель мы въ иномъ

даже попятиться къ худшему? Неужель всѣ возбужденныя надежды, всѣ потраченныя нами силы, всѣ совершенныя великія дѣла — превратились въ прахъ? Нѣтъ! Конечно нѣтъ! Между положеніями нашими — прежнимъ и нынѣшнимъ — разница огромная, существенная, хотя, во многихъ отношеніяхъ, и не утѣшительная.

Съ 1825 по 1855 годъ, мы обрѣтались подъ тяжкимъ, постояннымъ, почти однообразнымъ гнѣтомъ: у насъ не было никакой общественной гражданской жизни; о земской дѣятельности не позволялось и думать, и употребленіе словъ: „земство“ „земскій“ клало, на произносившаго ихъ, печать неблагонабѣжности и неблагонамѣренности, даже подвергало его разнаго рода невыгодамъ и опасностямъ; дворянскія собранія не имѣли никакого значенія; въ нихъ почти никакихъ дѣлъ не обсуждалось, а происходили только скандалы; выборы же въ важныя должности — предсѣдателей и членовъ палатъ гражданского и уголовного суда, уѣздныхъ и земскихъ судовъ, въ званіе предводителей и депутатовъ дворянства и проч. превратились въ игру личныхъ интересовъ; въ городахъ, самоуправленіе было ничѣмъ инымъ какъ его пародіею, ибо оно находилось въ рукахъ самыхъ непросвѣщенныхъ городскихъ обывателей и состояло въ полной зависимости отъ губернскихъ правленій; суды не внушали къ себѣ никакого довѣрія, и люди честные и безкорыстные, въ нихъ засѣдавшіе, заподозрѣвались, по милости тайнаго судопроизводства, если и не во взяткахъ, то въ небрежности и угодливости; торговля была въ полномъ застоѣ; кредитъ почти

вовсе не существовалъ; крѣпостная зависимость лежала на плечахъ и спинѣ многихъ миллионовъ людей; а литература прибавлялась стихами, театральными пѣсами, повѣстями и романами, которые могли быть безнравственными, лишь бы не касались человека общественнаго, а тѣмъ еще мѣнѣе отношеній его къ правительству; Русскій не смѣлъ, ни въ журнальныхъ статьяхъ, ни въ книгахъ, говорить о вопросахъ политическихъ или о злобахъ дня. Однимъ словомъ, внизу была мертвенность полная; а въ верхнихъ слояхъ гулялъ произволъ безъ всякой удержки. Жизнь человѣчья сосредоточивалась для Русскаго въ тайникахъ его души; тутъ только онъ чувствовалъ себя существомъ, созданнымъ по образу и подобию Божьему — тутъ только онъ сознавалъ свою самобытность, свое право на свободу мысли, чувства и воли. Дѣйствіе отрезвительное для произвола, пробудительное для людей, лишенныхъ гражданской дѣятельности, и благотворное для страны вообще — произведено было Крымскимъ погромомъ.

Теперь конечно мы чувствуемъ себя безпрестанно стѣсненными и въ земскомъ и въ городскомъ самоуправленіи; испытываемъ на себѣ разгулъ произвола, свыше надъ нами поставленныхъ администраторовъ (мастерски изображенныхъ Щедринымъ въ его помпадурахъ); подвергаемся дѣйствию вновь издаваемыхъ законовъ, мало соображенныхъ съ нуждами страны, и ожидаемъ со страхомъ, изъ Петербурга, министерскихъ и законодательныхъ разъясненій и дополненій, изподтишка отнимающихъ у насъ права и обеспеченія, которыя были

намъ Высочайше дарованы въ Уставахъ и Положеніяхъ, изданныхъ въ первое десятилѣтіе нынѣшняго царствованія; но все-таки мы имѣемъ губернскія и уѣздныя земскія учрежденія, а равно и городскія думы и управы, въ которыхъ мы можемъ обсуживать наши нужды, устанавливать правила для нашего общественнаго хозяйства, и распоряжаться, по нашему усмотрѣнію, на пользу обитаемой нами мѣстности, сборами, нами же устанавливаемыми. Теперь хотя мы и не чувствуемъ себя обеспеченными въ личныхъ и имущественныхъ нашихъ правахъ; хотя и бываютъ высылки безъ суда на житье въ Вологду и другіе отдаленные края, а также произвольныя нарушенія правъ личности и собственности со стороны становыхъ, исправниковъ, полицеймейстеровъ, губернаторовъ и другихъ административныхъ лицъ; однако эти случаи суть только прискорбныя исключенія изъ общаго правила: ибо, на основаніи судебныхъ уставовъ, мы вообще подлежимъ суду не тайному, не по мертвой буквѣ закона, не по произвольному истолкованію его приказными, а по суду гласному, дѣйствующему, въ лицѣ нами избираемыхъ мировыхъ судей и изъ насъ назначающихся присяжныхъ засѣдателей, по внушеніямъ человѣческой совѣсти. Правда, что налоги и разнаго рода сборы растутъ и все тяжче и тяжче на насъ ложатся; что государственные расходы страшно увеличиваются и разнообразятся; что уравнительность вовсе не составляетъ достоинства первыхъ а производительность не есть свойство послѣднихъ; но, по крайней мѣрѣ, изъ обнародываемыхъ государ-

ственныхъ смѣтъ, мы узнаемъ что хотятъ съ насъ взять, а изъ опубликовываемыхъ отчетовъ государственнаго контроля, мы видимъ на что наши деньги употреблены — чего прежде не бывало; правда, что въ этомъ утѣшеніе слабое, ибо тутъ мы только зрителями и слушателями бездѣйственными, но все-таки существами, не лишенными способности размышленія, соображенія и дѣланія выводовъ и заключеній. Конечно наши денежные дѣла вообще все болѣе и болѣе затрудняются и запутываются, какъ неопредѣлительностью нашей денежной единицы, такъ въ особенности разнымъ, какъ *deus ex machina* являющимися распоряженіями министерства финансовъ; но, несмотря на то, замѣтно какое-то, пожалуй, и не естественное, а искусственное и мало утѣшительное оживленіе въ торговыхъ и особенно въ спекуляціонныхъ предпріятіяхъ; возникли у насъ банки и денежные и поземельные; страдаемъ теперь не отсутствіемъ кредита а его безпорядочностью и разгуломъ; и въ финансовомъ дѣлѣ мы уже ходимъ не во тьмѣ ночной, а при полусвѣтѣ сумерокъ, вѣроятно, утреннихъ а не вечернихъ. Хотя въ деревняхъ, ни для крестьянъ, ни для землевладѣльцевъ, бытъ не устроенъ такъ, чтобы они могли свободно развивать свою дѣятельность, успѣшно вести свои хозяйства и разживаться; однако крѣпостная зависимость первыхъ отъ послѣднихъ упразднена; тѣлесныя наказанія для крестьянъ, если и не отмѣнены, то значительно сокращены; права и обязанности и тѣхъ и другихъ нѣсколько опредѣлены, и есть возможность распоряжаться хозяйствомъ на основаніяхъ, если и не

совсемъ правильныхъ, то по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя явно не противурѣчаютъ здравому смыслу и справедливости. Благосостояніе сельскаго населенія, конечно, мало улучшилось (если только оно не ухудшилось); но вина въ этомъ какъ самаго крестьянства, не становящагося въ уровень дарованныхъ ему правъ и предающагося пьянству, такъ и самихъ личныхъ землевладѣльцевъ, не желающихъ посвящать свои труды нелегкому дѣлу сельскаго хозяйства и мѣстной дѣятельности, и предпочитающихъ ей удобную, пріятную, хотя и съ ущербомъ самостоятельности сопряженную жизнь на государственной службѣ, или поприще частныхъ и компанейскихъ спекуляцій, исполненное тревоженій и вынуждающее на разныя сдѣлки съ своею совѣстью. Неулучшеніе или даже ухудшеніе быта сельскаго населенія происходитъ, быть можетъ, и отъ другихъ причинъ: крестьянамъ, бывшимъ въ полной зависимости отъ помѣщиковъ и отъ чиновниковъ вдругъ даны были огромныя права, т. е. такое самоуправленіе, какаго небыло предоставлено ни дворянамъ, ни горожанамъ; понятно что крестьяне не справились съ дарованными имъ правами и что они просто на просто растерялись. Къ этому конечно много содѣйствовали и гг. посредники послѣднихъ годовъ: сколько первые дѣятели, носившіе это званіе, старались удерживаться и удерживать крестьянъ на строго законной почвѣ, столько ихъ пресмники, нынѣшніе посредники сами своевольничаютъ, воскрешаютъ память о дѣйствіяхъ прежнихъ недобрыхъ помѣщиковъ и даже побуждаютъ старшинъ и старостъ къ дѣйствіямъ произвольнымъ и

противузаконнымъ. Что касается до землевладельцевъ, то ихъ гонить, на государственную службу и на житье въ городахъ, и то обстоятельство, что они не чувствуютъ себя достаточно обеспеченными со стороны полиціи, не имѣющей почти никакихъ средствъ къ огражденію гражданъ отъ постороннихъ насилій и удерживающей за собою только прежній произволъ и прежнее умѣніе водворять безпорядки вездѣ, гдѣ она появляется. Иные думаютъ что для усиленія власти полиціи нужны какіе-то конные разъѣзчики и умноженное число становыхъ. Нѣтъ! не такими средствами увеличиваютъ силу полиціи. Примѣръ Англіи, въ этомъ отношеніи какъ и во многихъ другихъ, особенно поучителенъ: тамъ полиція сильна тѣмъ, что она всегда дѣйствуетъ законно и что, вслѣдствіе того, всѣ ей помогаютъ. — Правда что, въ литературной сферѣ, произвольно жгутъ книги и журналы, запрещаютъ статьи, пріостанавливаютъ розничную продажу и самое изданіе газетъ и журналовъ, и снабжаютъ цензурные комитеты и циркулярными и особенными и обыкновенными и конфиденціальными предписаніями, запрещающими говорить въ печати то о томъ, то о другомъ предметѣ; но, за всѣмъ тѣмъ, есть возможность, конечно не просто и откровенно, а съ помощью нѣкоторыхъ хитростей, говорить и о злоупотребленіяхъ администраціи и о другихъ важныхъ государственныхъ предметахъ; мы можемъ, до нѣкоторой степени, обсуживать общіе политическіе вопросы и высказывать съ нѣкоторою ловкостью, наши нужды и желанія. — Слѣдовательно наше нынѣшнее положеніе

существенно и значительно отличается отъ того положенія, въ которомъ мы находились до 1855 года, и нельзя не признать превосходства перваго надъ послѣднимъ. Отъ чего же люди, пережившіе одно и переживающіе другое положеніе, считаютъ нынѣшнія обстоятельства даже болѣе тяжкими, какъ мы выше сказали, чѣмъ прежнія, ощущаютъ ихъ стѣснительность и давленіе сильнѣе чѣмъ когда либо, и чувствуютъ какой-то не бывалый упадокъ силъ? Отъ чего, особенно молодежью и людьми, только вступающими въ зрѣлые года, овладѣваетъ глубокое, ни чѣмъ не смягчаемое отчаяніе?

Конечно горе, бѣда, насъ одержащія, всегда намъ кажутся болѣе тяжкими чѣмъ тѣ, которыя уже миновали. Это такъ; но, при внимательномъ, въ глубь обстоятельствъ нѣсколько вникающемъ размышленіи о тяжести нынѣшняго положенія, нельзя не усмотрѣть другихъ болѣе дѣйствительныхъ причинъ нашего настоящаго страданія.

Человѣкъ, заключенный въ тюрьмѣ, проведеній тамъ много лѣтъ, свыкается и съ этою жизнью; онъ тамъ устроиваетъ кое-какъ свое житіе-бытіе; его чувства притупляются; его мысли стѣсняются; онъ деревенѣетъ и перестаетъ даже чувствовать эту, его уничтожающую тяжесть положенія. Но человѣку, освобожденному изъ заключенія и вкусившему сладости свободы, чрезвычайно тяжело, когда, по временамъ, его вновь отводятъ въ тюрьму и когда притомъ эти отводы зависятъ отъ произвола тюремщиковъ, а предоставленіе этому несчастному большихъ или меньшихъ льготъ опредѣляется опять усмотрѣніемъ этихъ же самовласт-

цевъ. Чувства этого несчастнаго неминуемо приходятъ въ нервное раздраженіе; мысли его путаются; и если онъ и не рѣшается на какой либо отчаянный поступокъ, то овладѣваетъ имъ безнадѣжность; душа его ни къ чему болѣе не лежитъ; силы его упадаютъ, и онъ уничтожается подъ невыносимымъ бременемъ своего положенія.

Не въ такомъ ли именно положеніи находимся мы теперь?

Зависимость крѣпостныхъ людей отъ ихъ владѣльцевъ упразднена; дарованы намъ земскія и городскія учрежденія; установленъ судъ гласный по закону и совѣсти; обѣщана и отчасти была дана свобода печатнаго слова; слѣдовательно совершено было многое для водворенія правды въ землѣ русской. Какъ же намъ было не почувствовать себя наконецъ изведенными изъ тюрмы на Божій свѣтъ? Какъ намъ было не ожить, не почувствовать себя людьми, не подумать что новая эра для насъ открывается и что и мы можемъ принять участіе въ міровомъ поступательномъ движеніи человечества?

И что же на дѣлѣ оказалось?

Воля Государя, выраженная въ органическихъ законахъ, предоставляла намъ права; но исполнители законовъ стѣсняють ихъ смыслъ сколько могутъ и щедры только на ограниченія; мало этого — разъясненіями, истолкованіями и дополненіями даже путемъ законодательнымъ, они, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, не прямо, а большею частью косвенно, измѣняютъ первоначальныя статьи разныхъ Уставовъ и Положеній, имѣя въ виду не ихъ охра-

неніе и развитіе, а задержку ихъ дѣйствія и даже ихъ переименованіе. Мы думали наконецъ вступить на путь правды, а оказалось что ложь усугублялась и что подъ словами новыми удерживалась недоброе старое. Выгода Государя и народа несомнѣнно заключается въ ихъ единодушїи, въ большей по возможности взаимной любви, въ довѣрїи другъ къ другу и въ совокупномъ ихъ дѣйствїи; но бюрократія, чуя въ этомъ свой конецъ, всячески старается противудѣйствовать этому вождѣльному союзу, поселяя въ первомъ подозрѣнія и опасенія, и лишая послѣдняго прежде дарованныхъ ему льготъ и тѣмъ возбуждая вездѣ неудовольствія и ропотъ.

Но дѣйствительно ли это такъ? Не ошибаемся ли мы? Не преувеличиваемъ ли мы тяжесть нынѣшняго положенія? Разсмотримъ его по различнымъ видамъ нашего быта.

